

ФИЛОСОФСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН¹

Ю.В. Синеокая
Институт философии РАН

Аннотация: Автор рассматривает понятие «философское поколение» как мощный интеллектуальный паттерн со своей оптикой, проблематикой и методами исследования. В статье рассказывается о становлении первого постсоветского философского поколения, пришедшего в профессию на рубеже 1980–1990-х годов, анализируются смена научных ориентиров и реструктуризация философского сообщества того времени. Прослеживается преемственность между философскими поколениями девяностодесятиков и шестидесятников. Основные направления работы российских философов конца XX века представлены в социально-культурном контексте эпохи перестройки.

Ключевые слова: философские поколения, девяностодесятики, история русской философии, самоидентификация, интеллектуальная история 1990-х, Институт философии, философский факультет МГУ.

Мои заметки о становлении философского поколения девяностых субъективны, избирательны, далеки от завершения. Эта статья – временная остановка, маркирующая этап в становлении образно-смыслового строя коллективной идентичности тех, кто пришел на философский факультет во второй половине 1980-х, одна из граней эксперимента по самоидентификации той части профессионального философского сообщества, к которой я принадлежу. Фиксация и интерпретация ключевых событий интеллектуальной истории моего поколения, отраженных в личном опыте, имеют не только историческую ценность свидетельства очевидца, но важны как для структурирования летописи современной философии в России, так и для моей личной идентификации. Пройдут годы, черновой вариант поколенческого мифа девяностых будет переписан набело, получит статус канонической версии прошлого, исторической истины.

Выстраивание поколенческой мифологемы сродни конструированию философской парадигмы. Философское поколение – мощный интеллектуальный паттерн со своей оптикой, проблематикой и методами исследования. Мифологема девяностых ещё не определена, открыта к альтернированию замысла, её границы смещаются между ставшим и становящимся, существующим и исчезающим, своим и чужим. Завершить этот поиск означает найти код

¹ Первая публикация: Синеокая Ю.В. Философское поколение эпохи перемен. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 700–713.

доступа к смыслообразующей идее того отрезка истории, на который пришлось моё студенчество и вхождение в профессию.

Специфика философского поколения определяется для меня экзистенциальным вкладом в философию людей, близких друг другу по опыту ученичества и интеграции в официальные и неофициальные философские институции. Причиной интуитивного взаимного понимания тех, кто принадлежит к одному философскому поколению, при всем разнообразии спектра стилистических и идеологических предпочтений, служит общность библиографий – интеллектуальный фундамент, заложенный в юности художественной и документальной литературой, фильмами и блогами, перформансами, выставками и спектаклями, поэзией и музыкой, публицистикой и фольклором, социальным опытом и путешествиями.

Философия как особого рода интеллектуальное занятие не возможна без учительства, олицетворённого как идейными лидерами «кружков-школ», так и фигурой Учителя, чьё влияние может и не быть институционально организовано. Однако наряду с иерархическим вертикальным измерением – учитель-ученик, пронизывающим поколения насквозь, существенно и горизонтальное измерение – коммуникация внутри студенческих и аспирантских сообществ. Не только учителя, но и соученики транслируют знание и формируют способы мыслить и аргументировать, открывающие возможность молодым работать самостоятельно. В спорах и дискуссиях однокашников, тренирующих друг друга мыслить критически, задаются на годы вперёд векторы научных исследований и приоритетная проблематика, складываются дружеские союзы единомышленников, вне которых философская работа невозможна.

В горизонтальном измерении профессиональная иерархия не задана изначально, она формируется в живом общении: в оппонировании друг другу, в споре, в противостоянии, в дружеской беседе. Общение вне лекционных аудиторий, наличие близких по духу собеседников и соперников, товарищеские цеховые связи – необходимые условия творческой плодотворной академической жизни. Философская идентификация, наряду со знаменитым хайдеггеровским вопросом (об Адорно): «а кто собственно его учитель?», предполагает не менее важный вопрос: «из какого он поколения?»

Смена научных ориентиров и реструктуризация философского сообщества, знаменующие каждый новый этап его становления, зарождаются и вызревают во внутр поколенческом диалоге молодых, обуславливаются наличием или отсутствием смысловой оппозиционности нового поколения академическому мейнстриму, зависят от прочности корпоративного единства и поколенческой солидарности философов-неофитов, начинающих возделывать своё исследовательское поле.

Моё философское поколение – это люди, пришедшие в философию на рубеже восьмидесятых и девяностых. Прежде всего это мои однокурсники по философскому факультету МГУ, начавшие учёбу осенью 1987 года, когда стеклянные стены библиотеки и поточных аудиторий первого гуманитарного корпуса на Ленинских горах тонули в небывалом для Москвы тумане, поглотившем, казалось, как в фильмах Антониони, весь мир за стенами университета. На несколько лет мы растворились в книжных лабиринтах: одни из нас выбрали путеводной нитью в философию отечественное интеллектуальное наследие вековой давности, другие погрузились в беспредельность западной философской традиции. С первых учебных дней университет стал для нас Алефом – точкой пространства, вмещающей в себя Вселенную, центром нашего мира, нашим убежищем от путаницы штормовых времён.

Наше вступление в профессию пришлось на время открытых возможностей и живого чувства, годы по-весеннему согретые лучами надежды на преображение. На рубеже 1980–1990-х в духовной атмосфере живо чувствовалось рождение нового, глобального смысла, личная причастность каждого из нас к мировой, единой в неслиянном своеобразии своих составляющих культуре. Рушились границы и разрывались пути. Традиционные национальные ценности возрождались в духе универсализма. Чувство открытости миру порождало ощущение жизни в Истории. Подлинную реальность обретали нити, связывающие моих однокурс-

ников с прежними временами и ушедшими поколениями. Мы постигали, как огромен, многолик и разноголосен мир. Культура и повседневная обыденность частной жизни казались нам нераздельными и исполненными смыслом.

Наше философское поколение сложилось в эпоху перемен. Такие времена не длятся долго. Это были годы, когда на смену веренице выцветших и пресных лет апатии и разочарований пришла новая действительность – жизнь стала подвижной, пластичной и изменчивой, повседневность выбилась из накатанной колеи, а социальные клише и стереотипы истончились, уступив место, казалось бы, невозможному.

Приведу две иллюстрации тех лет, одна представляет общий план эпохи начала горбачевской перестройки, в фокусе второй – философский факультет МГУ. На волне прекращения холодной войны и потепления отношений с США Рональд Рейган дважды (1 января 1986 года и 1 января 1988 года) выступал с новогодними поздравлениями по советскому телевидению, а Михаил Горбачев поздравлял с Новым годом по американскому телевидению жителей Соединённых Штатов... Весной 1990 года, в разгар борьбы с марксистско-ленинской идеологией, на философском факультете МГУ с речью о будущем марксизма выступил самый влиятельный философ конца XX столетия, классик постструктурализма и постмодернизма Жак Деррида. Синхронный перевод его лекции делал авторитетный русский религиозный мыслитель конца XX века Владимир Вениаминович Бибихин.

Мои сокурсники – яркие представители философского поколения девяностых, занимающие сегодня достойное место в отечественной философии: Валерьян Анашвили, Вадим Васильев, Алексей Козырев, Борис Межуев, Игорь Чубаров, Олег Никифоров, Василий Ванчугов, Петр Резвых, Татьяна Резвых, Елена Брызгалина, Андрей Лавров. Если же говорить о нашем философском поколении в широком смысле, то оно представлено также именами Игоря Михайлова, Нины Дмитриевой, Игоря Эбаноидзе, Константина Бурмистрова, Елены Тахо-Годи, Сергея Корсакова, Татьяны Щедриной, Анны Резниченко, Артема Кротова, Дарьи Лунгиной, Михаила Хорькова, Валерия Суворцева, Татьяны Лифинцевой, Светланы Месяц, Марии Солоповой, Михаила Маяцкого, Виталия Куренного, Анны Ямпольской.

Поколениеобразующим центром для нас стал журнал «Логос», задуманный Валерьяном Анашвили ещё на втором курсе университета и осуществленный им вместе с однокурсниками (Игорем Чубаровым, Олегом Никифоровым, Алексеем Козыревым и др.) в 1991 году. Сам факт появления студенческого философского журнала, который за несколько лет обрёл статус неформального, а затем и официально признанного лидера отечественной философской периодики, – свидетельство зарождения на рубеже 1980–1990-х в России новой парадигмы философствования. С поколения девяностодесятиков начался этап становления постсоветской философии в России.

Наше поколение максимально реализовало себя в историко-философской работе: исследовании, комментировании и публикации архивных материалов, как отечественных (досоветской и советской эпох), так и зарубежных. Философы нашего поколения создали внушительный пласт аналитики и переводов новейших западных и восточных исследований и философской классики на русский язык. Несколько представителей нашего поколения (Валерьян Анашвили, Олег Никифоров, Игорь Эбаноидзе), помимо публикации собственных текстов и переводов, основали издательства, которые уже несколько десятилетий формируют круг чтения, философские вкусы и стиль мышления русскоязычных интеллектуалов.

Помимо традиционных форм философской работы: исследований, преподавания, переводов, издания собраний сочинений, редактирования и комментирования текстов, организации конференций, семинаров и открытых дебатов, поколение девяностодесятиков запустило несколько практических крупномасштабных проектов нового формата. С 2009 года при философском факультете МГУ функционирует Московский центр исследования сознания, основным направлением деятельности которого является разработка наиболее востребованных сегодня проблем: сознание – тело, свобода воли, искусственный интеллект и тождество

личности (сооснователь МЦИС – Вадим Васильев). В 2014 году на базе московской городской библиотеки Достоевского стартовал проект Института философии РАН «Анатомия философии», цель которого – вхождение академической философии в публичное пространство, а с 2018 года при институте открыта международная «Философская мастерская», в которой ведётся работа по интеграции аспирантов и начинающих философов-исследователей в академическую жизнь (оба эти проекта инициированы мной).

За три прошедших десятилетия девяностодесятилетиями многое было хорошо и серьёзно продумано, сказано, написано, опубликовано как на русском, так и на многих иностранных языках. Понимание нашим философским поколением своей миссии, своего предназначения перекликается, на мой взгляд, с идеей поколения русского культурного ренессанса первой декады прошлого века и с мифом поколения шестидесятников. Вглядываясь в профессиональные судьбы философов своего поколения, я не без удивления вижу, что мы проделали классический шестидесятнический путь из хиппи в яппи быстрее наших учителей, превратившись из философских маргиналов в уважаемых хранителей интеллектуальной традиции прежде, чем достигли акме.

В середине 1980-х годов в России начался бум интереса к отечественной религиозной философии конца XIX – начала XX столетия. Многотысячными тиражами переиздавались тексты мыслителей рубежа веков, публиковались переписки и дневники очевидцев, воспоминания о дореволюционном времени. Актуальными становились проблемы столетней давности. Двадцатого века будто бы и не было. На конференциях и семинарах по вопросам как науки, так и общественной жизни, в выступлениях членов политических клубов и в частных спорах о судьбах мира и России интеллигенция обсуждала вопросы минувшей эпохи, используя аргументы, логические ходы и авторитетные имена деятелей прошлого. Казалось, что сердцевина двадцатого столетия выпала из культурной истории, была вытеснена как неприятное воспоминание из памяти современников.

На первый взгляд ситуации рубежа прошлых и нынешних веков действительно напоминали друг друга. Русское религиозное возрождение на заре XX столетия пришло на смену позитивизму и материализму XIX века. Самое сильное увлечение в России того времени – учения Конта и Спенсера, как и господство марксистско-ленинской материалистической диалектики, изжив себя, породили взрыв интереса к экзистенциальным и религиозным проблемам. Как и сто лет назад, вера в науку, пренебрежение к существующему порядку вещей и соответствующее им представление о человеке привели к той тупиковой ситуации, в которой регуляторы обыденного существования: религия, мораль и право – потеряли жизненную мощь. Ломалась прежняя и складывалась новая культурная парадигма. Очевидно, однако, и существенное различие в этих временах. Деятели русского духовного ренессанса строили новую религиозную культуру, опираясь на народную традицию, в лоне которой были взращены. Несмотря на резкое отторжение и неприятие народнической идеологии, живая нить религиозности, связующая интеллектуалов с народом, питала их творческую волю и личный мистический опыт. Спустя столетие ситуация изменилась коренным образом. Начавшееся религиозное пробуждение широких кругов общественности проходило под сильным влиянием получивших вторую жизнь книг по религиозной философии. Для значительного числа молодёжи того времени путь в храм лежал через библиотечные залы и архивы, лекции по истории религии и культуры и проповеди священников, многие из которых в недавнем прошлом окончили философские, исторические и филологические факультеты университетов.

Как на заре XX столетия, так и на его исходе интерес наших соотечественников к религии возник из увлечения европейской культурой, из стремления проникнуть в глубь этой культуры, постичь её истоки, вернуть культуре утраченную сакральность, тем самым утвердив её вечный, непреходящий смысл. Обращение к религиозным традициям родилось из обращения к культурным традициям вообще. В те годы для всех было очевидно, что Россия – один из духовных центров европейской цивилизации. Характерной чертой рубежа

1980–1990-х годов было стремление войти в западную культурную традицию, не замыкаясь в своей религиозной или национальной идентичности, стремление к синтезу культур.

В конце 1980-х годов нередкими стали религиозные обращения молодёжи. Публичные лекции отца Александра Меня, отца Артемия Владимирского и диакона Андрея Кураева (окончивших ранее филологический и философский факультеты МГУ) были едва ли менее популярны, нежели выступления известных учёных. Троице-Сергиева лавра стала местом постоянного паломничества. Многие студенты уходили послушниками в монастыри. Однако неверно было бы говорить о том, что расцвет переживала только Русская православная церковь. Начало девяностых годов стало временем всеобщего религиозно-конфессионального самоопределения: значительно возросла паства католических и протестантских приходов, второе дыхание открылось у мусульманских и иудейских общин России.

Политизированность российской общественности также приобрела небывалый размах даже для такой заидеологизированной страны, как Советская Россия. Начиная с I съезда народных депутатов практически все политические события собирали у телевизоров огромное число людей. Летняя экзаменационная сессия 1989 года находилась под угрозой срыва, поскольку профессура и студенчество не отходили от экранов телевизоров, наблюдая происходящие в стране дебаты представителей власти. Многотысячные демократические демонстрации стали неотъемлемой чертой столичной жизни в конце 1989 – начале 1990-х годов. Это время было примечательно и своей проникнутостью искусством. Находившиеся ещё недавно на полулегальном положении рок-группы устраивали свои концерты как на стадионах, так и на квартирных «сейшенах». Отрывались крошечные театры-студии, смело идущие на эксперименты и нововведения, мастерские фотографов, художников и скульпторов превращались в клубы, жизнь которых напоминала знаменитые журфиксы, «среды» и «четверги» Серебряного века, где ощущалась та интеллектуальная напряжённость, из которой и возникла атмосфера русского культурного возрождения. Университет, да и вся Москва, жил жизнью большого праздничного спектакля.

Философский факультет МГУ второй половины 1980-х был местом высокой концентрации талантливой молодёжи, ориентированной на новые смыслы и коммуникацию. Вечно многолюдный вестибюль первого гуманитарного корпуса на Ленинских горах, где стайки хиппи живописно тусовались со студентами – философами, филологами и историками, представлял собой в те годы нечто среднее между творческой лабораторией, концертной площадкой и выставочным залом. Помню, как мы устраивали там выставку «Митьков» – товарищества нонконформистского искусства, участники которого (Дмитрий Шагин, Владимир Шинкарёв и др.) в своих сатирических стихах, прозе, музыке сформировали отечественное диссидентское искусство, близкое к европейскому авангарду и американской контркультуре. В памяти остались и оглушительное выступление екатеринбургской рок-группы «Наutilus Помпилиус» (Вячеслав Бутусов, Илья Кормильцев и др.), сотрясшей стены учебных аудиторий, и звонкая тишина, заполнившая единственный раз на моей памяти наше 11-этажное здание: в этот день все студенты и преподаватели собрались в огромном актовом зале на втором этаже, где читал лекцию А.Ф. Лосев.

Уверена, что сегодня среди философов моего поколения нет человека, забывшего песни Бориса Гребенщикова, Юрия Шевчука и Виктора Цоя, а мои однокурсники наверняка ещё помнят альбомы «Крематория» и «Запрещённых барабанщиков». Мы обсуждали музыку Эдисона Денисова, Софьи Губайдуллиной и Альфреда Шнитке, напевая Джима Моррисона, Дженис Джоплин, Джими Хендрикса.

Нашими культовыми фильмами, наряду со «Сталкером» Андрея Тарковского, «Забриски поинт» Антониони и «Ассой» Сергея Соловьёва, были и пинк-флойдовская «Стена» Алана Паркера, и «Курьер» Карена Шахназарова. Мы знали наизусть мизансцены постановок Бертолуччи, Висконти, Пазолини, Феллини, Бунюэля и Бергмана.

Мы говорили (да и сейчас ещё их не забыли) цитатами из Борхеса, Гессе, Манна, Пруста, Сэлинджера, знали наизусть не только Бродского, Мандельштама, Пастернака, Гумилева, Ахматову, Цветаеву, но и Малларме. Спорили об Умберто Эко, Кафке, Джойсе, Дюрренматте, Носсакке, Павиче, Кундере, Кортасаре, Амаду и Маркесе.

В годы нашего студенчества в учебных аудиториях философского факультета вели занятия наши любимые молодые доценты В.В. Миронов, А.Л. Доброхотов, М.А. Гарнцев, В.И. Маркин и маститые профессора В.В. Соколов, А.Ф. Зотов, Г.Г. Майоров... В каждом из них мы чувствовали родственную душу, преподавание было их служением философии, их призванием.

Признанием в студенческой среде в те годы, как, впрочем, и во все времена, пользовались немногие преподаватели. Одним из авторитетов был Виктор Васильевич Ильин, ездивший, вместе с группой старшекурсников, в Армению, спасать людей во время спитакского землетрясения. Брошенные им на лекциях фразы становились частью студенческого сленга («Карл Поппер жив, но он гносеологический труп»), а его поступки обретали статус исторических анекдотов 90-х. (Однажды на экзамене к нему обратился студент: – Простите, пожалуйста, но в моем билете ошибка, тут написано Конт, а нужно же Кант. – Да, действительно ошибка, – ответил Виктор Васильевич и прибавил: – Откройте-ка окно, молодой человек... Зачётка вылетела в оконный проем одиннадцатого этажа... – А теперь – за ней!..)

Горбачевская оттепель дала импульс к взрыву увлечения гуманитарными науками. Двери университета были открыты для всех. Не только студенты – филологи, историки и философы, но и огромное количество молодёжи, далёкой от специального изучения этих дисциплин, ежедневно до позднего вечера в аудиториях Московского университета слушали лекции открывшейся в 1990 году кафедры теории и истории мировой культуры.

Помню, как мы с Борисом Межуевым помогали Валерию Саврею в 1989 году готовить к открытию эту кафедру. Для нового подразделения руководство факультета выделило помещение, в котором ещё недавно располагалось партбюро философского факультета. В духе времени было решено пригласить священника, чтобы освятить кафедру перед началом занятий.

Думаю, никогда прежде не существовала, да и вряд ли когда-нибудь ещё будет создана, другая университетская кафедра, объединяющая стольких гениев. Лекции читали С.С. Аверинцев, В.В. Биbihин, М.Л. Гаспаров, А.Я. Гуревич, Вяч. Вс. Иванов, Г.С. Кнабе, Е.М. Мелетинский. Их открытые выступления пользовались ошеломляющей популярностью. Даже огромные поточные аудитории первого гуманитарного корпуса МГУ не могли вместить всех собравшихся, так что часть вольнослушателей была вынуждена довольствоваться синхронно воспроизводимым выступлением лекторов в соседних специально оборудованных помещениях. Мысль из академических аудиторий, из предназначенных для специального пользования книг, возвращалась к нуждающимся в ней людям. Складывалось поколение идеалистов, искренне живущих книжной жизнью. Не только сами курсы лекций блестящих интеллектуалов, но и долгие семестровые зачёты, перераставшие в памятные на всю жизнь беседы, длившиеся часами и заканчивавшиеся ближе к полуночи, остались в памяти моих однокурсников как «пиршества духа» *par excellence*.

Пик интереса к отечественной духовной и интеллектуальной традиции пришёлся на 1990 год, отмеченный небывалым за всю историю существования кафедры истории русской философии философского факультета МГУ количеством студентов, решивших специализироваться именно в этой сфере.

По коридорам философского факультета МГУ расхаживали почитатели и исследователи В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, Вл.С. Соловьёва, имевшие почти портретное сходство со своими философскими героями. В моду у студентов – историков философии вошли бородки *à la* Флоренский, убрелённые благородной сединой шевелюры *à la* Соловьёв и знаменитый соловьёвский раскатистый смех.

Самыми яркими профессорами кафедры были М.А. Маслин и В.А. Кувакин. Комната для кафедральных семинаров не пустовала ни утром, ни вечером. За уставленным чашками длинным столом, во главе которого неизменно возвышался самовар с баранками, безостановочно велись семинары-чаепития, перетекавшие, казалось, из одного в другой без пауз. Захватывающие спецкурсы читали гости кафедры Н.В. Котрелев, В.В. Сербиненко, А.И. Абрамов. Из ребят, специализировавшихся в это время на кафедре русской философии (Алексей Козырев, Борис Межуев, Игорь Чубаров, Василий Ванчугов и я), быстро сложилась дружеская компания. Вскоре В.А. Кувакин познакомил нас с недавним выпускником кафедры философии народов СССР (так наша кафедра называлась до 1989 года) Дмитрием Барамом, вынашивавшим идею создания кружка по изучению русской религиозной философии. Назвали мы наше сообщество «Летописец», оно просуществовало несколько лет.

Думаю, что со временем на философской карте Москвы в числе прочих зданий, отмеченных как места, связанные с повседневной жизнью духа, появится и адрес небольшого жёлтого особняка по бывшему тогда ещё Аксаковскому, а ныне носящему своё прежнее историческое название – Филипповский, переулку. Здесь в причудливой коммунальной квартире, выходящей окнами на крошечную церковь св. Филиппа, в которой некогда был рукоположён в священники выдающийся русский философ о. Сергей Булгаков, собирались за овальным столом под абажуром молодые люди, в большинстве своём студенты философского факультета университета. Нередкими гостями бывали и «подпольные», и официально признанные авторитеты философского сообщества, научные сотрудники Института философии РАН, духовные лица, преподаватели МГУ и других учебных заведений. Между ними, людьми различных конфессиональных принадлежностей, религиозных и политических пристрастий, велись бесконечные споры и диалоги, переходящие в заслушивания научных докладов с последующим бурным их обсуждением.

Страстный интерес к «Летописцу» проявил и другой выпускник кафедры истории русской философии, неизменно облаченный во френч, антипод Дмитрия Барама – Дмитрий Галковский, подаривший нашей группе печатную копию своего, тогда ещё неизданного бестселлера «Бесконечный тупик». Эта книга знаменовала запоздалое рождение в нашей стране постмодернизма в осмыслении отечественной философской традиции. Для меня «Бесконечный тупик» пример того, что представлял из себя оригинальный философский текст *fin de siècle*, претендующий скорее не на научную строгость историко-философского исследования, а на оригинальность и удачную стилизацию импрессионизма В.В. Розанова.

На смену единой идеологии, с необходимым цитированием при каждом подходящем и неподходящем случае текстов Маркса или Ленина, пришел идеологический плюрализм – каждая политическая группировка выбрала подходящего философа, имя которого стала использовать как ярлык, обозначающий её идеологические предпочтения. До распада СССР, в начале горбачевских демократических реформ, самым крупным философским авторитетом был В.С. Соловьев. Присущий ему универсализм, призывы к терпимости и утверждение единства средиземноморской культуры и цивилизации оказались как нельзя кстати во времена вхождения страны в единое мировое сообщество. Вторым по популярности в это время может быть назван Н.А. Бердяев, чьи знаменитые работы: «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX и начала XX веков» и «Смысл творчества», с характерным для них поиском религиозной правды коммунизма, смягчали ломку социалистических ценностей и способствовали выходу страны из идеологического кризиса, самоопределению и раскрепощению людей. Ставшая в то время знаменитой фраза философа: «Кроме бесправного отвлечённого космополитизма и насильственного бесправного национализма может быть ещё третья, идеалистическая точка зрения на национальность, полагающая национальный путь не в задаче государственности, а в самобытном, творческом осуществлении универсальных общечеловеческих начал» [Бердяев 1989: 41] – максимально полно выражала дух того периода в недавней истории страны. К 1990 году, времени

объявления суверенитета России, на передний план выдвинулась фигура В.В. Розанова. Мягкий консерватизм и национализм, любование традиционностью быта, сосредоточенность на повседневных проблемах человека, вопросах семьи и пола, воспевание домашнего уюта и маленькой родины – вместилища универсума, вкупе с лишь ему присущими интуицией слова и умением отразить мельчайшие состояния души, снискали автору «Уединённого» и «Опавших листьев» огромную популярность. Последующее самоопределение России в качестве суверенного государства и сопряжённые с этим сложности определили появление в идеологическом пространстве страны двух антагонистических лагерей: либерально-антиимперского стана, выразителем идей которого стал Г.П. Федотов, автор наиболее цитируемой статьи «Судьбы империи», и резко оппозиционного ему союза имперско-антизападнических сил, символом которого явился И.А. Ильин, автор наиболее популярной в этой среде работы «Чем угрожает миру распад России».

Казалось бы, произошло издавна чаемое русскими философами соединение отвлечённой мысли и обыденной жизни, философия пришла в политические реалии повседневности. Ещё патриарх русской религиозной философии В.С. Соловьев, первый создатель философской системы на русской почве, уделял огромное внимание использованию духовных максимумов в жизненной практике. Не в отвлечённом суде над миром отвлечённостей видел он призвание философа, а в практическом деле, когда, становясь публицистом, он горячо выступал против смертной казни, эгоистического национализма, нарушений веротерпимости и отождествления нации и государства с абсолютным началом, подчиняющим себе Церковь. Однако в политической жизни 1990-х в ходу оказались не столько сами учения, сколько отдельные идеи, ставшие лозунгами и работавшие на политическую конъюнктуру. Имена религиозных и общественных мыслителей рубежа XIX–XX веков выполняли роль лакмуса, определяющего партийную принадлежность цитирующего их автора, хотя зачастую тематика его работы была весьма далека от идеологии. Эта ситуация не только сохранилась, но и усугубилась в наши дни. Так, например, имя знаменитого историка философии И.А. Ильина, написавшего лучшее в России исследование о Гегеле, в общественных кругах ассоциируется прежде всего с националистско-этатистским крылом современного антизападничества. А Н.А. Бердяев в начале 2010-х чуть было не стал лицом новой национальной идеологии России, после того как его работа «Философия неравенства» была поднята на щит отечественными младоконсерваторами.

Имена мыслителей рубежа XIX–XX веков, сохраняя прежнюю популярность и звуча на публичных собраниях, посвящённых самым неожиданным вопросам, так и не ожили в своих преемниках. Новый религиозный миф, из которого, как ожидалось, должна была сложиться новая русская философия, не был рождён. Личное сознание замкнулось в себе, став монадологичным. Потребность в общении, коммуникации перестала быть основополагающей. Мифология девяностых, залогом которой служила экзистенциальная близость интеллектуалов, распалась, с ней ушло ощущение реальности проживаемой истории. Этим обстоятельством объясняется и нынешнее «учёное варварство» (А. Белый) – чехарда фантомов «спасительных» идей, практически бесполезных в коренным образом изменившемся, за почти столетний отрезок времени, мире. Новые идеи – всегда продукт глобальных смыслов, порождаемых реальной жизнью. Прерванная культурная традиция не может быть продолжена в изменившихся условиях людьми, обладающими другим жизненным опытом. В истории не бывает зазоров и разрывов. Русская духовная традиция жила в XX веке, меняясь и трансформируясь, как в Советской России, так и в России эмигрантской. Имитируя ушедшее, нельзя восстановить жизненную связь времён, нельзя вернуться к истокам иначе как лишь феноменальным, но никак не сущностным образом.

Андрей Вознесенский назвал девяностые эхом шестидесятых. Это формула верна и для философских поколений. Нас учило философии поколение хрущевской оттепели, инициировавшее вторую оттепель – горбачевскую. Девяностодесятники унаследовали от профессоров-

шестидесятников коммуникабельность, веру в товарищество, солидарность, открытость миру, убеждённость, что наука вообще и философия в частности – дело коллективное. Именно шестидесятники передали нам эстафету личной вовлеченности в культурную традицию и идеал свободного, открытого научного сообщества, главными критериями успеха в котором являются профессионализм и талант созидания новых смыслов. Они заразили нас устремлённостью в будущее, желанием выйти за пределы изначально заданного. Шестидесятники открыли перед нами двери в научное сообщество, сразу приняв нас всерьёз, они растили нас как свою профессиональную смену, видели в нас своих интеллектуальных преемников.

Думаю, что не ошибусь, если в числе книг, которые в юности прочитал каждый студент философского поколения девяностых, назову две монографии Пиамы Павловны Гайденко – «Трагедия эстетизма. Опыт характеристики мирозерцания Киркегора» и «Философия Фихте и современность», труд Эриха Юрьевича Соловьева «Непобеждённый еретик (Мартин Лютер и его время)» и трилогию Валерия Александровича Подороги «Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX века».

Студенты философского факультета были желанными гостями в Институте философии АН СССР. Пятиэтажный жёлтый дом под зелёной крышей по адресу: Волхонка, 14, навсегда остался для меня сакральным местом. Здесь мне посчастливилось услышать зимой 1987 года одно из последних выступлений Мераба Константиновича Мамардашвили «Проблема сознания и философское призвание», проходившее в переполненном слушателями легендарном красном зале с лепным потолком, в котором хоть раз в жизни выступали все известные московские философы XX столетия. А год спустя мы с однокурсниками участвовали в шумной встрече сотрудников института с тогда ещё не президентом Ельциным, приехавшим в Институт философии за поддержкой московских интеллектуалов. Сюда я с трепетом приходила в сектор истории западной философии, казавшийся мне клубом великих, беседовать с Нелли Васильевной Мотрошиловой, предложившей мне в конце 4-го курса поступать в аспирантуру института и ставшей моим научным руководителем и другом на всю жизнь. В сектор истории западной философии Института философии РАН я была зачислена аспиранткой осенью 1992 года, а с 2013 года, вслед за Нелли Васильевной, руковожу нашим сектором.

Вплоть до переезда в 2015 году Института философии РАН в новое здание на Гончарной, 12, сектор истории западной философии располагался в двух смежных комнатах на пятом этаже. Окна сектора выходили на Волхонку. В юные мои институтские годы из них открывался вид на бассейн «Москва», зимами превращавшийся в огромное причудливое облако пара, а в тёплые дни наполнявший все воздушное пространство весёлым гомоном купальщиков. После защиты кандидатской диссертации за окнами сектора с шумом и лязгом дымилась строительная площадка, шло воссоздание храма Христа Спасителя. Докторскую диссертацию я защищала под величественный звон колоколов главного храма России, золотой купол которого в упор смотрел в окна нашего сектора вплоть до переезда института.

В начале 2020 года три верхних этажа заметно обветшавшего здания Института философии были снесены, а оставшийся остов перестроен. Но в моей памяти хранится нетронутым наш пятый этаж, пространство сектора, разрез окна и стол заседаний, за которым я вижу навсегда оставшихся на Волхонке коллег – тех, кто принял меня в своё сообщество, когда я пришла в этот дом впервые, кто помогал мне освоиться в профессии, кто передал мне нить, связывающую всех нас в единое целое – сектор истории западной философии Института философии РАН: В.М. Богуславский, З.А. Каменский, Т.И. Ойзерман, А.Л. Субботин, В.П. Гайденко, В.А. Жучков, М.М. Ловчева. Совершив трудный исход с Волхонки на Гончарную наш сектор постепенно обжился в новых стенах института. Н.В. Мотрошилова, Т.Б. Длугач, Э.Ю. Соловьев, И.А. Лаврентьева, А.А. Столяров, А.В. Кричевский, М.А. Солопова, М.Л. Хорьков, Д.О. Аронсон вдохнули жизнь в квадрат новой комнаты нашего сектора на четвёртом этаже философского дома. В последние годы наш сектор помолодел и окреп те-

ми, кто вошёл в сообщество истории западной философии уже на Гончарной: А.Г. Жаворонков, Н.А. Татаренко, О.И. Кусенко, И.А. Михайлов, С.В. Месяц, А.Т. Юнусов.

Уже тридцать лет я живу жизнью Института философии. Каждый раз, поднимаясь на его порог и отворяя входную дверь, у меня перехватывает дыхание. Это то щемящее чувство причастности к сообществу многих поколений достойных и талантливых людей, которое пронизывало меня на Волхонке, 14, и которое живёт во мне на Гончарной, 12. Институт для меня тот стержень, та жизненная ось, на которую нанизываются события, определяющие мою судьбу. За прожитые годы мне посчастливилось параллельно преподавать в разных университетах, жить радостями и болью близких мне людей из других стран, моя личная история связана не только с Москвой, но и Иерусалимом, Оксфордом и Парижем, я знаю эти города наизусть, научилась читать лица их жителей. Но куда бы я ни уезжала, я всегда рада возвращению в наш общий философский дом, в мой институт.

Ключевая роль в том, как сложилась моя профессиональная судьба, принадлежит моим коллегам, моим учителям. Назову два имени – Нелли Васильевна Мотрошилова (научный руководитель моей кандидатской диссертации и консультант моей докторской диссертации) и Георгий Степанович Кнабе (мой любимый университетский профессор). С каждым из них мне посчастливилось дружить: обсуждать происходящее, вместе осмысливать пережитое и не случившееся. К ним я приходила перед принятием важных жизненных решений, не за советом, за благословением. С каждым из них мне повезло бродить по бульварам и переулкам Москвы, путешествовать, обмениваться книгами. Я наблюдала за тем, как выкристаллизовывались их замыслы, как они подбирали нужные слова. Они помогли мне перестать быть их ученицей – научили не соглашаться, полагаться на себя, действовать иначе и вопреки. Они научили меня продвигаться к вершине и, что намного тяжелее, спускаться вниз. Им было важно моё мнение, их всерьёз интересовал мой выбор, ход моей мысли. Для меня всегда были открыты двери их домов, где я была желанным гостем, где мне были рады их близкие. Они были для меня мерой достоинства, стиля, творческой свободы и профессионализма. Оба они виртуозно владели искусством счастливо жить своей работой. Они научили меня воспринимать историю не как синоним прошлого, отделённого от сегодняшнего дня временной дистанцией, а как происходящее здесь и теперь, видеть в потоке повседневности ориентиры будущего, жить в становящейся традиции, фиксировать и анализировать живые смыслы. Они стали для меня символами философского поколения шестидесятников.

Второй важный фактор, определивший меня, – моё поколение, те ребята, с которыми я училась на философском факультете МГУ, общение с которыми обусловило меня сегодняшнюю. К счастью, многие мои пожизненные коллеги, оппоненты и совопросники – девяностодесятники. Сегодня, как и тогда, на рубеже 1980–1990-х годов, наше товарищество далеко от *mutual admiration society*, в нашем содружестве не было и нет упоительного согласия. Пора нашего самоутверждения была отмечена борьбой за интеллектуальное лидерство, состязанием талантов и умений. Мы спорили и доказывали друг другу свои истины, мы восхищались друг другом, мы были интересны друг другу, учились друг у друга, радовались успехам друг друга. Сегодня, как и в университетские годы, мы готовы протянуть друг другу руку, подставить дружеское плечо. Мы интересны друг другу. Наши публичные выступления сегодня, как и тогда, сопровождаются внутр поколенческими спорами, суждения подвергаются сомнению, опровергаются и обсуждаются пристрастно. Друзья-критики были и остаются лучшими учителями, заставляя работать, совершенствоваться, пробовать новое, идти вперёд. Внутренняя жизнь моего философского поколения – товарищеский ринг, игра по правилам, но всерьёз.

Как бы много нареканий ни снискала эра горбачевской перестройки, это время оправдано уже тем, что дало импульс к жизни моему философскому поколению. Нам повезло не только одними из первых распахнуть дверь наружу, во внешний мир, но и отомкнуть засовы у входа в скрываемое прошлое, приблизиться к ещё недавно запретным хранилищам ум-

ственных достояний человечества. Угодив в информационный водоворот недоступных прежде текстов и архивных материалов, моё поколение осознало необходимость держаться плечо к плечу, чтобы вместе исследовать и обживать открывшийся нам новый, ещё неосвоенный нашими предшественниками, философский ландшафт. Эта задача, обернувшаяся личным вызовом каждому, сплотила нас, сделала одним поколением, определила наш профессиональный и жизненный путь.

Бердяев И.А. 1989. О творчестве национального духа. – *Декоративное искусство СССР*. – № 3.